

УДК 323.2(430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-86-105

Сравнительный анализ левого и правого терроризма в ФРГ

Андрей В. Белинский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, belinskii_andrei@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу правого и левого терроризма в ФРГ на основе выделенных критериев (причины возникновения, социальный состав, тактика, связи с другими группами и т. д.). Отмечается, что в своем становлении обе разновидности терроризма прошли три стадии – общественный раскол, радикализация протестного движения и появление в ее рядах группы, готовой перейти к вооруженной борьбе, уход в подполье. И для левого, и для правого терроризма было характерно отрицание либеральной демократии и позиционирования себя в качестве авангарда экстремистских сил, выступающих против государства.

Вместе с тем детальный анализ показывает, что между правыми и левыми террористическими организациями есть существенные отличия, продиктованные как идеологией, так и историческим контекстом, в котором они действовали. К наиболее существенным из них следует отнести различный социальный состав, объекты атаки, коммуникацию, формы организации и др. Также отмечается, что правый терроризм на протяжении долгого времени был недооценен властями, что имело в будущем фатальные последствия.

Ключевые слова: правый терроризм, левый терроризм, ФРГ, «Фракция Красной Армии», «Национал-социалистическое подполье», «Движение 2 июня», политический экстремизм

Для цитирования: Белинский А.В. Сравнительный анализ левого и правого терроризма в ФРГ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 86–105. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-86-105

© Белинский А.В., 2025

A comparative analysis of left-wing and right-wing terrorism in Germany

Andrei V. Belinskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, belinskii_andrei@mail.ru*

Abstract. The article deals with a comparative analysis of right-wing and left-wing terrorism in the FRG on the basis of selected criteria (causes of emergence, social composition, tactics, ties with other groups, etc.). It is noted that in its formation both varieties of terrorism have passed three stages – social division, radicalization of the protest movement and the emergence in its ranks of a group ready to move to armed struggle, going underground. Both left-wing and right-wing terrorism were characterized by the rejection of liberal democracy and positioning themselves as the vanguard of extremist forces opposed to the state.

At the same time a detailed analysis shows that there are significant deals with between right-wing and left-wing terrorist organizations, dictated by both ideology and the historical context in which they operated. The most significant of those distinctions include different social composition, objects of attack, communication, forms of organization, and others. It is also noted that for a long-time right-wing terrorism was underestimated by the authorities, which subsequently had fatal consequences.

Keywords: right-wing terrorism, left-wing terrorism, FRG, “Red Army Faction”, “National Socialist Underground”, “June 2 movement”, political extremism

For citation: Belinskii, A.V. (2025), “A comparative analysis of left-wing and right-wing terrorism in Germany”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 86–105, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-86-105

Зажженные по всей Германии 21 декабря 2024 г. свечи возвести “*urbi et orbi*”¹ не только о приближении четвертого адвента², но и о потрясшем страну кровавом теракте на рождественской ярмарке в Магдебурге. Жертвами врезавшегося на полной скоро-

¹ *Urbi et orbi* – латинская фраза, означающая «городу (Риму) и миру». Использовалась в Древнем Риме, а затем римскими папами для объявления важных новостей.

² Четвертый адвент – это праздник, когда зажигается четвертая свеча на рождественском венке.

сти в толпу автомобиля, за рулем которого находился выходец из Саудовской Аравии Талеб Аль-Абдулмохсен, стали 6 человек; еще около 299 граждан получили увечья различной степени тяжести.

И хотя конкретные мотивы³ задержанной полицией бывшего врача-психиатра только еще предстоит выяснить следствию, события в Магдебурге вновь всколыхнули в немецком обществе дебаты о терроризме и противодействии ему. Безусловно, в настоящей момент главную угрозу для ФРГ, а вместе с ней и для всей Европы, представляют радикальные исламистские группировки, а также разделяющие их идеологию террористы-одиночки, совершившие теракты в Париже, Брюсселе и Берлине.

Вместе с тем было бы большой ошибкой считать левый и правый терроризм в ФРГ частью прошлого, которое заняло свое место в учебниках истории между двумя мировыми войнами и эпохой глобализации. Несмотря на разгром спецслужбами или самоликвидацию ведущих правых и левых террористических организаций в Западной Германии и объединенной ФРГ, потенциал для их рецидива по-прежнему сохраняется. Как отмечалось в докладе Федерального ведомства по охране конституции Германии за 2023 г., правые экстремисты совершили порядка 1148 преступлений с применением насилия⁴. Тенденцию к увеличению преступлений с применением насилия демонстрировали и левоэкстремистские группировки, на счету которых в 2023 г. было 727 аналогичных преступлений⁵. А принимая во внимание достаточно зыбкую границу между деятельностью экстремистских групп и террористическими организациями, всестороннее исследование природы и особенностей правого и левого терроризма в Федеративной республике Германия продолжает оставаться крайне актуальной задачей для политической науки.

Решению данной задачи, с нашей точки зрения, мог бы способствовать сравнительный анализ ведущих террористических организаций правого («Национал-социалистическое подполье»⁶,

³ Сама личность Талеба Аль-Абдулмохсена – выходец из Саудовской Аравии, критикующий ислам и не скрывающих своих симпатий в отношении правопопулистской «Альтернативы для Германии» – достаточно примечательна, поскольку не укладывается в привычный для исследователя портрет представителя правого или исламского терроризма.

⁴ Verfassungsschutzbericht 2023. Bundesministerium des Innern und für Heimat. 2023. Juni. S. 29.

⁵ Ibid. S. 151.

⁶ «Национал-социалистическое подполье» (нем. Nationalsozialistischer Untergrund) – террористическая организация, созданные в 1998 г. неона-

группа Фрайталь⁷) и левого («Фракция Красной Армии»⁸, Тупамарос Западного Берлина⁹, «Революционные ячейки»¹⁰, «Движение 2 июня»¹¹) толка на основе выделенных немецким исследователем-криминалистом А. Пфаль-Траугхбером критериев – активисты (социальный состав, биографии и т. д.), интенсивность насилия, идеология и др. [Pfahl-Traughber 2014, S. 401–423.] Именно такой подход позволит лучше «высветить» родовые черты и особенности обеих разновидностей террора, и на их основе выработать в дальнейшем эффективную стратегию противодействия ему.

цистами У. Мундлосом, У. Бенхардтом и Б. Чепе. На счету группировки 10 убийств, два теракта и многочисленные ограбления банков. В ноябре 2011 г. после неудачного ограбления У. Мундлос и У. Бёнхардт были окружены полицией и покончили жизнь самоубийством. Б. Чепе была приговорена к пожизненному заключению.

⁷ Группа Фрайталь (нем. Die Gruppe Freital) – правотеррористическая группировка, созданная в 2015 г. в саксонском городе Фрайталь. Группировка осуществляла нападения на общежития для беженцев, а также гражданских активистов, оказывающих им помощь. В 2018 г. группа была разгромлена полицией, а ее члены приговорены судом к тюремному заключению.

⁸ «Фракция Красной Армии» (нем. Rote Armee Fraktion) – крупнейшая левая террористическая организация в ФРГ, созданная в А. Баадером, У. Майнхоф, Г. Энслин и др. в 1970 г. Жертвами «Фракции Красной Армии» становились высокопоставленные чиновники, представители крупного бизнеса, полицейские, американские военные. В 1998 г. оставшиеся на свободе члены организации (так называемое «третье поколение») заявили о ее самораспуске.

⁹ Тупамарос Западного Берлина (нем. Tupamaros West-Berlin) – леворадикальная организация, действовавшая в ФРГ в конце 1960 – начале 1970-х гг. Свое название взяла в честь уругвайской крайне левой организации – Тупамарос. В 1970 г. группа самораспустилась, часть членов вошли в состав Фракции Красной Армии.

¹⁰ Революционные ячейки нем. (нем. Die Revolutionären Zellen) – левая террористическая организация, действовавшая на территории ФРГ с 1970 по 1993 г.

¹¹ Немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая в Западном Берлине в 1970-х гг. Название отсылает к дате смерти Бенно Онезорга, застреленного полицейским во время демонстрации 2 июня 1967 г. в Западном Берлине. В 1980 г. организация самораспустилась, часть ее членов вошла в ряды «Фракции Красной Армии».

Природа терроризма

Проводя сравнительный анализ двух разновидностей терроризма в ФРГ, в первую очередь нам необходимо понять, на какой почве он возник и произрос. Даже беглое изучение «биографии» левотеррористических организаций, действовавших на территории ФРГ и Западного Берлина, и «Национал-социалистического подполья», подхватившего эту «эстафету»¹² в объединенной, но не единой Германии, наглядно демонстрирует схожую тенденцию. Исходной точкой отсчета в зарождении терроризма как левого, так и правого толка был глубокий общественно-политический раскол, пусть он в обоих случаях и носил разный характер.

Середина – конец 1960-х гг. ознаменовались для Западной Германии, как, впрочем, для большинства стран Европы и США, расколом между государством и основной частью общества и радикально настроенной молодежью, отрицающей культ успеха и стяжательства, ставших фактически символом веры поднявшейся из руин Западной Германии, ультраконсервативной морали и социальной иерархии. На обострившийся конфликт «отцов» и «детей» легла длинная тень национал-социалистического прошлого, которое в 1950-е гг. активно замалчивалось и вытеснялось из общественной жизни. Для выросшего в послевоенной Германии, воспитанного на работах Г. Маркузе и Т. Адорно, открыто восхищавшегося Че Геварой, Мао и Хо Ши Мином, молодого поколения западных немцев пребывание на посту федерального президента бывших членов НСДАП Г. Любке и К.Г. Кизингера свидетельствовало о том, что демократия в западногерманском государстве является лишь ширмой. «Германия 1960 года: каждый третий сравнивает ее с Германией 1933-го; что 10 лет назад отвергалось как чудовищное, сегодня под аплодисменты провозглашается само собой разумеющимся. Профессора, “как тогда” (1933 г. – А. Б.), лишаются мест и званий, военные вовсю действуют на политической сцене, социал-демократы зажаты в тиски между оппортунизмом партийного руководства и оппозиционной позой, конституция имеет репутацию поддающейся манипуляциям и постоянно переписываемой», – написала в 1960 г. журналистка и активистка антивоенного движения, а впоследствии соосновательница «Фракции Красной Армии» У. Майнхоф [Майнхоф 2004, с. 32]. Сложившаяся к концу «ревущих» 1960-х гг. ситуация в стране усугублялась отсутствием

¹² Примечательно, что в 1998 г., когда «Фракция Красной Армии» официально объявила о своем самороспуске, ушедшие в подполье У. Мундлос, У. Бенхардт и Б. Чепе создали «Национал-социалистическое подполье».

возможности конструктивного диалога между властью и стремительно радикализирующейся молодежью; вступив в большую коалицию с ХДС/ХСС социал-демократы фактически лишили себя в глазах ореола оппозиционности, а либеральная СвДП была для них абсолютно «классово чуждой». «Рудольф Аугштайн пишет: “Если бы <в ФРГ> была политическая партия, в которой практиковались бы откровенные дискуссии и в открытом порядке принимались решения, многие из этих протестующих студентов вступили бы в такую партию”. То, что такой партии нет, Аугштайн знает», – отмечала У. Майнхоф [Майнхоф 2004, с. 171].

Вторым шагом на тернистом пути к созданию подпольной террористической организации стала эскалация насилия между правоохранительными органами западногерманского государства и протестующей молодежью. И если в начале представители крайне левых организаций ограничивались символическими акциями (пощечина канцлеру К.Г. Кизингеру Б. Кларсфельд¹³, попытка бросить пудинг в прибывшего с официальным визитом в Западный Берлин вице-президента США Х. Хамфри и т. д.), то после убийства 2 июня 1967 г. студента Б. Онезорге и покушения на лидера левого движения Р. Дучке 11 апреля 1968 г. маховик насилия с обеих сторон стал стремительно раскручиваться. Ответом на действия властей стали поджоги здания издательского концерна Шпрингера, который на протяжении многих месяцев обвинял студентов в «терроризме», а затем универмага во Франкфурте, являвшегося для протестующей молодежи вящим символом общества потребления. На пути к созданию подпольной террористической организации этот этап имел огромное значение, поскольку с одной стороны государство и его представители окончательно превратились в открытого врага, а с другой – у радикалов постепенно снимаются психологические барьеры, которые до этого времени удерживали их от применения открытого насилия в отношении политических оппонентов.

В конечном счете внутри быстро радикализирующейся внепарламентской оппозиции выкристаллизовалась группа, которая в силу идеологических (У. Майнхоф), либо индивидуально-психологических особенностей личности (А. Баадер) готова была пойти дальше своих единомышленников. «На пресс-конференции в Берлине Хорст Малер заявил, что если делать революцию, то нужно считаться с жертвами. <...> После покушения на Дучке У. Майнхоф переписала свою колонку “От протеста к сопротивлению”: “Про-

¹³ Кларсфельд Б. (1939 – н. в.) – немецкая журналистка. Вместе со своим мужем С. Кларсфельдом занималась поиском нацистов, скрывавшихся после войны в различных странах.

тест – это когда я говорю, что это и это мне не подходит. Соппротивление – это, когда я стремлюсь к тому, чтобы, что мне не подходит, прекратило существование. <...> И в задумчивости добавила: Ответное насилие подвергается опасности превратиться в насилие, там, где жестокость полиции определяет закон поведения, там, где бессильная ярость сменяет высокомерную рациональность, там, где на парамилитарное насилие со стороны полиции отвечает парамилитарным насилием» [Aust 2008, S. 104]. Именно эти два десятка молодых людей и составят костяк первого поколения «Фракции Красной Армии», организации, наводившей ужас на политическую элиту ФРГ в 1970-х гг.

Правый терроризм в объединенной Германии прошел свой путь по сходной траектории. Крушение ГДР и вхождение восточных земель в состав Федеративной республики имели своим следствием отнюдь не обещанные Г. Коелем «цветущие ландшафты», а закрытие десятков предприятий и массовую безработицу. Утрата социального статуса, отсутствие жизненных перспектив, как и у многих представителей его поколения после крушения ГДР, привели к тому, что он испытывал потерю ориентиров и шаткость своего положения в новой Германии. Его антикоммунистические взгляды сделали его восприимчивым для правого экстремизма» [Jüttner 2013, S. 67].

И, как и в случае с левыми радикалами в Западной Германии 1960-х гг., своеобразным «мостиком», в конечном счете приведшим правых экстремистов У. Мундлоса, У. Бёнхардта и Б. Чепе в подполье, стало насилие. Однако в отличие от основателей «Фракции Красной Армии» и других левых террористических организаций, чья радикализация была не в последнюю очередь обусловлена и действиями западногерманских властей (разгон студенческой демонстрации 2 июня 1967 г., убийство Б. Онезорге, покушение на Р. Дучке), сторонники неонацистской и правоякстремистских взглядов в Восточной Германии изначально были ориентированы на применение насилия по отношению к политическим оппонентам¹⁴.

В начале 1990-х гг. Восточную Германию захлестнула настоящая волна насилия со стороны праворадикальной молодежи против иностранцев (вьетнамцы, турки, курды). «Очевидно этот подъем был замечен лишь после сильной расистских атак в саксонской Хойерсверде, где с 17 сентября (1991 г. – А. Б.) в течение нескольких вечеров подряд более сотни погромщиков атаковали

¹⁴ По всей видимости, эта особенность была обусловлено целым рядом факторов: низким уровнем образования правых экстремистов, идеологией, авторитарной политической культурой ГДР и т. д.

общежития с трудовыми мигрантами и беженцами» [Virchow 2022, S. 15]. Именно в этой атмосфере ненависти и страха произошла дальнейшая радикализация троих молодых людей из Йены, чьи действия становились все более дерзкими, выходя за рамки обычных для их круга нападений на левых активистов и иностранных рабочих и посещения рок-концертов ультраправых музыкальных групп.

В ноябре 1996 г. во время обыска машины У. Бёнхардта, который уже давно находился в поле зрения полиции, «были найдены предметы, подпадающие под закон об оружии: шлем, тесак, дубинка, боевой нож бундесвера, газовый пистолет, нож, пневматический пистолет, два магазина с газовыми патронами и постер с изображением вермахта» [Белинский 2017, с. 150–151].

Два портрета

Если становление левого и правого терроризма в Федеративной республике в целом прошло через схожие стадии (отчуждение от общества через отрицание его основных политических институтов и ценностей, радикализация, уход в подполье и начало открытого террора), то социальные портреты обоих течений терроризма будут различаться. Подавляющее большинство (около 70–80%) членов левоэкстремистских и левотеррористических организаций в Западной Германии 1970–1990-х гг. были выходцами из вполне благополучных семей среднего класса, а некоторые из них, как, например, Карл-Ян Распе¹⁵ или Ульрих Вессель¹⁶ даже принадлежали к высшим слоям общества.

При этом важно подчеркнуть, что немалая часть членов лево-радикальных или левотеррористических организаций имела академическое образование, а некоторые из них даже входили в интеллектуальный бомонд Федеративной республики. Классическим, почти каноничным примером этого может послужить биография одной из основательниц «Фракции Красной Армии» Ульрики Майнхоф (1977). Дочь искусствоведов еще в раннем детстве проявила недюжинные способности, которые предопределили ее профес-

¹⁵ Распе К.-Я. (1934–1977) – западногерманский террорист, один из основателей «Фракции Красной Армии». Отец Распе был крупным фабрикантом. Правда, он умер до рождения сына, а сам Распе был вынужден перебраться с матерью из Восточного Берлина на Запад.

¹⁶ Вессель У. (1946–1975) – западногерманский террорист, член «Фракции Красной Армии». Отец У. Весселя был бизнесменом и миллионером.

сиональную карьеру. «В некоторых областях Майнхоф была более развитой, чем ее сверстники, в особенности, что касается литературы», – отмечает ее биограф К. Лехто-Блекерт [Lehto-Bleckert 2010, S. 70]. После окончания университета она стала одним из ведущих журналистов ФРГ.

Подобного рода картина в целом является достаточно типичной для левоэкстремистских и левотеррористических организаций в разных странах и на разных временных отрезках, начиная от российских народников и эсеров и заканчивая итальянскими «Красными бригадами» и латиноамериканскими крайне левыми, использующими террор для борьбы против диктаторских режимов.

Совсем другая ситуация наблюдается при изучении социального состава правоэкстремистских и вышедших из их рядов правотеррористических организаций. В отличие от своих левых визави их костяк составили выходцы из социальных низов или нижнего слоя среднего класса, как правило без академического образования. Это отчетливо видно на примере действовавшего с 1998 по 2011 г. на территории ФРГ «Национал-социалистического подполья». Уве Бёнхардт был сначала оставлен за неуспеваемость на второй год, а затем и вовсе исключен из школы за кражу. Беата Чепе также бросила обучение в школе после 10-го класса и работала на различных, как правило, низкоквалифицированных должностях. Сын профессора математики Йенского университета У. Мундлос выделялся среди других представителей правоэкстремистской сцены не только социальным происхождением, но и недюжинными способностями к естественным и техническим наукам. Однако связь с неонацистами и дальнейшая радикализация не позволили ему реализоваться на этом поприще [Белинский 2017, с. 147]. Исключение в этой картине составили правотеррористические организации, ядро которых образовывали действующие или отставные военные и полицейские (французская Секретная вооруженная организация, ОАС, Nordkreuz и др.).

Это существенное отличие социальной базы левого и правого терроризма в ФРГ до недавнего времени несомненно требует серьезного осмысления. Можно предположить, что оно было обусловлено по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, как показывает практика, интеллектуальная прослойка общества (профессура, СМИ, студенчество) в большей степени сочувствует либо левым, либо либеральным идеям, в то время как влияние правоэкстремистских, националистических идей было весьма ограничено. Во-вторых, нужно учитывать исторически-временной контекст, в котором действовали террористические группировки левого и правого толка.

Вторым существенным отличием между левыми и правыми террористическими организациями были гендерный вопрос. Для всего левого политического спектра, начиная от умеренных социал-демократов и заканчивая экстремистскими течениями, равенство полов и борьба против любой дискредитации женщин были одним из краеугольных камней их идеологии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в левоэкстремистских и террористических организациях, женщины составляли не только значительный процент ее членов (30–50%), но и занимали руководящие посты (У. Майнхоф, Г. Энслин)¹⁷.

Совершенно иную картину мы видим в правоэкстремистских и правых террористических организациях, процент женщин в рядах которых был ничтожно мал. Подобное положение дел объяснялось патриархальными установками крайне правых, которые предполагали четкое разделение гендерных ролей, первенство мужчин в общественно-политической жизни и т. д. [Белинский, Хорольская 2023, с. 61–81]. Фигура Б. Чепе в «Национал-социалистическом подполье» является скорее исключением из общего неписаного правила. Впрочем, даже она играла в организации скорее второстепенную роль, обеспечивая тыловое прикрытие группы.

На идеологическом фронте

Детальный анализ идеологии и программ, действовавших на территории ФРГ левых и правых террористических организаций, наглядно показал как общие, родовые черты, так и серьезные отличия. В первую очередь левые и правые террористические организации объединяет отрицание либеральной демократии и ее основных институтов – парламентаризма, партий и т. д. С их точки зрения, она являет собой лишь ширму, которая, с одной стороны, создает иллюзию свободы и выбора, а с другой – помогает скрыть деятельность настоящих властителей страны (капиталистов, масонов, мирового правительства и т. д.). Тезис о «мнимости» народовластия в стране стал своего рода индульгенцией для оправдания: «Вооруженная борьба как высшая форма классовой борьбы проистекает из того факта, что господствующим классам необходимо обеспечить решающее влияние на рычаги власти и установить государственную монополию над ключевыми инструментами

¹⁷ Здесь, впрочем, можно обратиться к российской истории и вспомнить фигуры С. Перовской, В. Засулич и М. Спиридоновой, которые играли важную роль в революционном движении.

власти – армией и полицией» [Rote Armee Fraktion 1997, S. 50]. Примечательно, что для обоих течений терроризма характерен антиамериканизм, это нашло свое прямое отражение в ряде терактов против американских военных на территории Западной Германии.

Второй отличительной чертой идеологии обеих течений является отрицание политического плюрализма и четкое разделение общества на угнетаемый «народ» (класс, нация) и его «врагов» (правительство, финансовый капитал, мигранты). Именно это поистине манихейское мировоззрение определило бескомпромиссный характер борьбы как левых, так и правых террористических группировок.

Третьей общей чертой, органично вытекающей из предыдущей, является восприятие себя как авангарда борьбы за освобождения общества от «гнета» системы. И, наконец, в-четвертых, для обеих форм терроризма характерна утопичность идеологии, которая была направлена на построение идеального общества. Ни построение коммунизма, ни создание этнически однородного «народного сообщества» не могло быть реализовано на практике. Впрочем, этот утопизм конечной цели «компенсировался» в глазах членов террористических организаций их борьбой с политической системой.

Вместе с тем между программами левых и правых террористических организаций ФРГ существовали серьезные различия, которые касались не только определения основного врага. Если фундамент идеологии «Фракции Красной Армии» и других левых террористических группировок в Западной Германии 1970–1980-х гг. – доведенный до крайности принцип равенства, отрицавший как государство, так и социальную структуру общества с ее делением на классы, то правоэкстремистские и правые террористические группировки априори исходили из существующего неравенства народов и рас.

Другим важным отличием между левым и правым терроризмом в ФРГ являлась степень разработанности идеологии и степень ее влияния на деятельность той или иной организации. В этом отношении левые далеко опережали своих визави из крайне правого лагеря, поскольку их идеологические концепты, несмотря на явную утопичность конечной цели, отличались достаточной разработанностью и детализированностью. Это обстоятельство объяснялось, с одной стороны, огромным влиянием латиноамериканских революционеров (Э. Че Гевара¹⁸,

¹⁸ В конце 1960-х гг. Э. Че Гевара выдвинул лозунг «Создать два, три, много Вьетнамов», в основе которого лежала идея формирования революционных очагов в различных частях мира. Такая стратегия должна была нивелировать военно-техническое превосходство США и их союзников.

Ж.К. Маригелла¹⁹ и др.), оставивших большое теоретическое наследие, а с другой стороны, наличием в рядах левоэкстремистских организаций немалого количества интеллектуалов (У. Майнхоф), способных воспринять и адаптировать эти идеи. Высокая степень идеологизированности левых террористических организаций проявлялась в первую очередь в том, что почти каждое убийство и похищение представителя политического истеблишмента левые террористы сопровождали публичным заявлением, призванным обосновать перед общественностью мотивы своих действий. Лишь с конца 1980 – начала 1990-х гг. роль идеологической составляющей в действиях левых террористов начнет спадать, что объяснялось как сменой поколений внутри «Фракции Красной Армии», так наступившим после распада Советского Союза и социалистического лагеря в Восточной Европе общим кризисом коммунистической идеологии.

Нельзя утверждать, что правоэкстремистский лагерь, из которого вышли «Национал-социалистическое подполье», “Nordkreuz” и др., испытывал недостаток в теориях и концепциях борьбы против демократического государства, однако на уровне самих террористических организаций он без сомнения отступал на второй план. Так, например, осуществлявшее на протяжении многих лет убийства мигрантов по всей Германии «Национал-социалистическое подполье» руководствовалось принципом «Дела вместо слов» (“Taten statt Worten”, нем.). Некое «пренебрежение» вопросами идеологии со стороны правых террористических организаций объяснялось не только невысоким уровнем образования их участников или симпатизантов, но и другой коммуникационной стратегией. В то время как левые террористы, требующие одобрения и поддержки (финансовой, кадровой, моральной) общества, были вынуждены идеологически обосновывать свои шаги, действующим в подполье правым экстремистам просто не нужно было подводить идеологический фундамент под свои преступления.

¹⁹ Маригелла Ж.К. (1911–1969) – бразильский коммунист, революционер. Автор концепции городской герильи, которая должна была стать основой вооруженной борьбы. Написал учебник «Краткий учебник городской герильи», который был переведен на множество языков мира. Идеи Маригеллы получили широкое распространение в различных странах мира. В частности «Фракция Красной Армии», «Движение второго июня» и другие левые террористические группировки использовали концепцию городской герильи в борьбе с западногерманским государством.

В перекрестье прицела: стратегия и тактика левого и правого терроризма

При внешнем сходстве действий левых и правых террористических организаций – убийства политических врагов, финансирование организации за счет ограбления банков и периодические стычки с полицией, более детальное изучение их деятельности обнаруживает существенные различия. В первую очередь они касаются выбора жертв убийств или похищений. Если целью левых террористов становились преимущественно представители политического, экономического истеблишмента (председатель организации ХДС в Западном Берлине Петер Лоренц²⁰, президент Конфедерации немецких работодателей Ханс Мартин Шлейер²¹) или правоохранительной системы (генеральный прокурор ФРГ Зигфрид Бубак²²), то жертвами правых террористов в подавляющем большинстве случаев были представители мигрантской общины или беженцы. Так, на счету все того же «Национал-социалистического подполья» было десять убийств (9 выходцев из Турции и Греции и женщина-полицейский) и два взрыва, осуществленных в мигрантских кварталах [Rörke, Speit 2013, SS. 8–9].

Впрочем, это различие в выборе объектов для атаки правых и левых террористов может быть достаточно условным. Так 19 мая 1972 г. в Гамбурге в небоскребе, принадлежащем концерну «Шпрингер», прогремели несколько взрывов, в результате которых ранение получили 17 рядовых сотрудников медиахолдинга. Ответственность за взрыв взяла на себя «Фракция Красной Армии», у которой были давние счеты с издательством Шпрингера. Отход от привычной стратегии демонстрировали и правые тер-

²⁰ Лоренц П. (1922–1977) – западногерманский политик от ХДС, кандидат на пост бургомистра Западного Берлина. В 1975 г. незадолго до выборов был похищен «Движением 2 июня», которое потребовало отпустить из тюрьмы леворадикальных активистов. В результате обмена был выпущен на свободу.

²¹ Шлейер Х.М. (1915–1977) – немецкий предприниматель, президент Конфедерации немецких предпринимателей, бывший офицер СС. Был похищен членами «Фракции Красной Армии» в целях освобождения находящихся в тюрьме товарищей. После отказа властей вести переговоры с террористами, Шлейер был убит.

²² Бубак З. (1920–1977) – генеральный прокурор ФРГ. Был застрелен в 1977 г. членами «Фракции Красной Армии» в качестве мести за смерть У. Майнхоф.

рористы, круг жертв которых после начала миграционного кризиса 2015–2016 гг. существенно расширился. В 2016 г. жертвой неонациста стала мэр Кёльна Хенриетте Рекер, а в 2019 г. правый террорист застрелил немецкого политика от ХДС Вальтера Любке. Все это наглядно свидетельствует о том, что объектами атаки могут стать представители совершенно разных социальных слоев.

Не менее важным различием является интенсивность совершаемых террористами убийств. Анализ деятельности действовавших на территории Западной Германии левых террористических группировок показывает, что, несмотря на уход левых экстремистов в подполье, в первое время они ограничивались ограблением банков и поджогом административных зданий и взятием заложников в целях последующего обмена на находившихся в тюрьме товарищей. При этом на первых порах левые террористические группировки старались избегать излишнего кровопролития, что, конечно, не исключало человеческих жертв, как это было с упомянутым выше взрывом в здании концерна Шпрингер или неудачным похищением. Радикализация «Фракции Красной Армии», «Движения 2 июня» или «Тупамарос Западного Берлина» происходила уже после ареста лидеров группировки или гибели ее членов в перестрелке с полицией. Так после того, как полиция застрелила 2 марта 1972 г. в Аугсбурге члена «Движения 2 июня» Т. Вайсбекера, его соратники организовали взрыв в здании криминальной полиции в Западном Берлине. Своего пика волна насилия достигла «немецкой осенью» 1977 г., когда оставшиеся на свободе члены «Фракции Красной Армии» организовали серию громких убийств и покушений, которые стали мстью за гибель в тюрьме Штаммхайм основателей организации.

В этом отношении особняком стоит третье поколение «Фракции Красной Армии», действовавшее во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. В отличие от основателей организации (У. Майнхоф, Г. Энслин, А. Баадер) эта генерация левых террористов отличалась высокой интенсивностью насилия. Журналист С. Сумленный в своей книге «Немецкая система. Как устроена Германия» дал ему такую характеристику: «После смерти основателей RAF террор стал более ожесточенным и бессмысленным. Убийцы уже не выдвигали никаких политических требований, их действия выглядели как чистое хладнокровное насилие. Радикализация действий “Фракции Красной Армии”, перешедших фактически к лишенному насилию ради насилия, очевидно, было обусловлено целым рядом обстоятельств – гибелью основателей организации, общим кризисом левой идеологии, делавшим даль-

нейшее существование организации бессмысленным отчаянием оставшихся на свободе боевиков, и т. д.»²³

Совсем иная картина наблюдается при изучении деятельности правых террористических организаций, которые с самого начала прибегли к насилию в отношении к мигрантам и политическим оппонентам. Террористы не выдвигали политических требований, не брали заложников, не вступали в переговоры с властями, предпочитая сразу расправляться со своими врагами. «Члены группировки (группа Кюне, террористическая группировка 1970-х гг. – А. Б.) уделяли внимание анонимности. На месте преступлений они не оставляли ни политических деклараций, ни привлекали к себе внимание посредством взятия ответственности» [Gräfe 2018, S. 9]. Это различие в поведении правых и левых террористов вытекало, с одной стороны, из первоначально более агрессивного, милитантного характера правоэкстремистской среды, а с другой – разными конечными целями, которые ставили перед собой оба течения.

Левые террористические организации Западной Германии, совершая то или иное похищение или убийство, фактически преследовали двойную стратегию. С одной стороны, они посылали властям сигнал о необходимости выполнения своих требований (освобождение заключенных, месть за гибель товарищей, расправа над олицетворявшими систему чиновниками), а с другой – апеллировали к обществу в надежде сподвигнуть его на революцию или по крайней мере получить от него некоторую поддержку. И хотя на первых порах эта стратегия относительно успешно работала, однако после отказа властей от каких-либо переговоров с террористами, нарастающей жестокости и гибели случайных людей, которые отвернули от них даже прежних симпатизантов, она в конечном счете провалилась. А вкупе с общим идеологическим кризисом коммунистических идей это привело к маргинализации террористических организаций.

В случае же правых террористических и правоэкстремистских организаций их коммуникация была направлена исключительно против своих жертв. И хотя неонацистские группировки крайне редко брали на себя ответственность за совершенные преступления, представители мигрантских общин прекрасно осознавали, кто стоит за гибелью их земляков. В этой стратегии практически ис-

²³ Фактически деятельность третьего поколения «Фракции Красной Армии» представляла собой арьергардные бои зародившегося в конце 1960 – начале 1970-х гг. левого терроризма в ФРГ. Неслучайно в 1998 г. организация объявила о самороспуске, а оставшиеся ее члены постепенно перешли вернуться к мирной жизни, пусть и на нелегальном положении.

ключалась какая-либо коммуникация с органами государственной власти или общественностью, что позволяло тому же «Национал-социалистическому подполью» долгое время находиться в тени.

Формат жестко структурированной, подпольной организации, состоящей из нескольких десятков человек и опирающейся на сотни сторонников, и действовавшей на протяжении долгого времени, был вполне типичен для левых экстремистов Латинской Америки, Европы и России, но представлял до недавнего времени скорее исключение в крайне правом лагере. Созданное в 1998 г. тремя правыми экстремистами «Национал-социалистическое подполье» стало по сути первой правой террористической организацией, успешно действовавшей на протяжении многих лет нелегально. Попытки взять эту модель на вооружение предпринимались правыми экстремистами уже после разгрома организации, но ни одна пока не имела успеха. Гораздо более распространенной среди немецких крайнеправых и неонацистов был и остается терроризм «одиноких волков», а также неформившиеся группировки (Teilzeit-Terroristen), периодически совершающие нападения на мигрантов или поджоги общежитий для беженцев.

Различия между правыми и левыми террористическими организациями проявляются и в налаживании горизонтальных связей с идейно близкими группировками. Ведущие отчаянную борьбу против западногерманского государства «городские партизаны» не только тесно сотрудничали между собой, но и успешно наладили контакты с зарубежными организациями, начиная от итальянских «Красных бригад» и «Фронта освобождения Палестины» и заканчивая Министерством государственной безопасности ГДР²⁴. И хотя правые террористические группировки также поддерживали контакты в экстремистской среде, однако степень их кооперации никогда не достигала уровня «Фракции Красной Армии» на пике ее успехов.

Степень опасности

И, наконец, последним различием между ветвями терроризма в ФРГ до недавнего времени являлась разная степень восприятия угрозы со стороны право- и левоэкстремистских группировок органами государственной власти и политическими элитами ФРГ.

²⁴ Контакты левых террористов со «Штази» сводились к тому, что последняя предоставляла им убежище на территории ГДР и снабжала их новыми паспортами и работой.

Фактически вплоть до разгрома «Национал-социалистического подполья» осенью 2011 г., последовавшей во время миграционного кризиса 2015–2016 гг. волны нападений на беженцев из стран Ближнего востока правый терроризм находился в тени своего левого «собрата». Такая фатальная недооценка немецкими властями ультраправых и неонацистских группировок была продиктована целым рядом обстоятельств. Во-первых, создаваемая в разгар холодной войны и при участии бывших офицеров СС, СД и гестапо правоохранительная система Федеративной республики изначально была нацелена на борьбу с коммунистической угрозой (спецслужбы ГДР и СССР, КПП). Во-вторых, главным противником правоохранительной системы ФРГ в 1970 – начале 1990-х гг. были левые террористические группировки, совершавшие на протяжении многих лет резонансные преступления. Во-вторых, жертвами «Фракции Красной Армии», «Движения 2 июня» и других левоэкстремистских организаций становились представители истеблишмента, бизнес-элиты или американские военные, что вызывало в правящих кругах ФРГ гораздо большее беспокойство, чем поджоги общежитий с мигрантами или нападения на левых активистов. И, наконец, в-третьих, долгое время в правоохранительных органах превалировало ошибочное мнение о неспособности правых экстремистов создать хорошо организованную, законспирированную организацию, способную систематически осуществлять террор. Дело «Национал-социалистического подполья» отчетливо продемонстрировало ошибочность этих утверждений.

Заключение

Во второй половине XX – начале XXI столетия ФРГ последовательно сталкивалась с несколькими волнами терроризма (левый террор 1970 – начала 1990-х гг., правый террор начала 1990–2010-х гг., совершенные исламистами теракты). Проведенный в рамках данной статьи сравнительный анализ левого и правого терроризма продемонстрировал как общие, родовые черты (основные этапы развития, отрицание либеральной демократии, утопичность политической программы и т. д.), как и серьезные различия (цели, тактика, социальный состав), порожденные как идеологическими факторами, так и конкретными историческими условиями.

В то время как костяк левых террористических организаций в ФРГ составили представители студенчества и левые интеллектуалы, правоэкстремистские и правотеррористические группировки вербовали своих сторонников преимущественно из нижнего сред-

него класса. Последнее обстоятельство определило разную степень идеологизированности обеих ветвей терроризма. Если «Фракция Красной Армии» или «Движение 2 июня» стремились подвести идеологическую базу под свои действия, то правые террористы руководствовались преимущественно принципом «действия вместо слов». Безусловно, это не означало отсутствие идеологического фундамента в действиях «Национал-социалистического подполья» или других террористических групп, однако на первое место выходили насильственные акции против политических оппонентов.

Различия стратегий левых и правых террористических организаций в ФРГ прослеживались и в выборе объектов атаки. Классовая и антиимпериалистическая борьба, которую вели левые экстремисты в 1970–1980-х гг. против западногерманского государства, определила в качестве мишени для их атак представителей политической и экономической элиты, американских военных, сотрудников правоохранительной системы. Главной целью правого терроризма в ФРГ были и остаются мигранты и иностранцы, которые рассматриваются неонацистскими и правоэкстремистскими группами как основной враг. Вместе с тем линия разграничения между обоими разновидностями терроризма является относительно условной, поскольку в последние годы жертвами правых террористов все чаще становятся немецкие политики и активисты общественных организаций.

И, наконец, главным, с нашей точки зрения, отличием между правым и левым терроризмом в ФРГ являлось разное восприятие государством и обществом степени опасности, исходившей от обоих разновидностей терроризма. Громкие покушения на видных представителей истеблишмента, публичность акций левых террористов, вкупе с ориентированностью западногерманской правоохранительной системы на борьбу с левым экстремизмом привело к недооценке угрозы со стороны крайне правых групп. Только после разгрома «Национал-социалистического подполья» в ноябре 2011 г. немецкие власти стали более серьезно относиться к правому терроризму.

Литература

Белинский 2017 – *Белинский А.В.* «Он снова здесь»: Дело «Национал-социалистического подполья» и угроза правого терроризма в Германии // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 136–162.

Белинский, Хорольская 2023 – *Белинский А.В., Хорольская М.В.* «Перестройка» или тактика на службе стратегии? Женский вопрос в программах и практиках

- праворадикальных популистов ведущих стран Западной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 61–81.
- Майнхоф 2004 – *Майнхоф У.* От протеста – к сопротивлению. М.: Гилея, 2004. 192 с.
- Aust 2008 – *Aust S.* Der Baader-Meinhof-Komplex. Hamburg: Hoffmann und Campe, 2008. 894 S.
- Gräfe 2018 – *Gräfe S.* Ein halbes Jahrhundert Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland – 1969 bis 2018. Dresden: Sächsischen Landeszentrale für politische Bildung (SLpB), 2018. 27 S.
- Jüttner 2013 – *Jüttner J.* Der Nationalsozialistische Untergrund // Blut und Ehre. Geschichte und Gegenwart rechter Gewalt in Deutschland / Hg. A. Röpke, A. Speit. Berlin: Ch. Links Verlag, 2013. 288 S.
- Lehto-Bleckert 2010 – *Lehto-Bleckert K.* Ulrike Meinhof: 1934–1976. Ihr Weg zur Terroristin. Marburg: Tectum Verlag, 2010. 720 S.
- Pfahl-Traughber 2014 – *Pfahl-Traughber A.* Von den “Aktivisten” über die Kommunikation bis zur “Wirkung”. Das AGIKOSUW-Schema zur Analyse terroristischer Bestrebungen / Institut für Sicherheitspolitik an der Universität Kiel // Jahrbuch Terrorismus 2013/14. Opladen, 2014. S. 401–424.
- Rote Armee Fraktion 1997 – Rote Armee Fraktion. Texte und Materialien zur Geschichte der RAF. Mannheim: ID-Verlag, 1997. 544 S.
- Röpke, Speit 2013 – Blut und Ehre. Geschichte und Gegenwart rechter Gewalt in Deutschland / Hg. A. Röpke, A. Speit. Berlin: Ch. Links Verlag, 2013. 288 S.
- Virchow 2022 – *Virchow F.* Rechte Gewalt in Deutschland nach 1945 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2022. No. 49–50. S. 10–14.

References

- Belinskii, A.V. (2017), “He is here again”: The case of the ‘National Socialist Underground’ and the threat of right-wing terrorism in Germany”, *Urgent Problems of Europe*, no. 4, pp. 136–162.
- Belinskii, A.V. and Khorolskaya, M.V. (2023), “‘Perestroika’ or tactics in the service of strategy? The women’s question in the programs and practices of right-wing populists of the leading countries of Western Europe”, *Urgent Problems of Europe*, no. 4, pp. 61–81.
- Meinhof, U. (2004), *Ot protesta – k soprotivleniyu* [From protest to resistance], Gileya, Moscow, Russia.
- Aust, S. (2008), *Der Baader-Meinhof-Komplex*, Hoffmann und Campe, Hamburg, Germany.
- Gräfe, S. (2018), *Ein halbes Jahrhundert Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland – 1969 bis 2018*. Sächsische Landeszentrale für politische Bildung, Dresden, Germany.

- Jüttner, J. (2013), “Der Nationalsozialistische Untergrund”, in Röpke, A. and Speit, A., eds., *Blut und Ehre. Geschichte und Gegenwart rechter Gewalt in Deutschland*, Ch. Links Verlag, Berlin, Germany.
- Lehto-Bleckert, K. (2010), *Ulrike Meinhof: 1934–1976. Ihr Weg zur Terroristin*, Tectum Verlag, Marburg, Germany.
- Pfahl-Traughber, A. (2014), “Von den ‘Aktivisten’ über die Kommunikation bis zur ‘Wirkung’”. Das AGIKOSUW-Schema zur Analyse terroristischer Bestrebungen”, in *Jahrbuch Terrorismus 2013/14*, Opladen, Germany, SS. 401–424.
- Rote Armee Fraktion. Texte und Materialien zur Geschichte der RAF* (1997), ID-Verlag, Mannheim, Germany.
- Röpke, A. und Speit, A., Hg. (2013), *Blut und Ehre. Geschichte und Gegenwart rechter Gewalt in Deutschland*, Ch. Links Verlag, Berlin, Germany.
- Virchow, F. (2022), “Rechte Gewalt in Deutschland nach 1945”, *Aus Politik und Zeitgeschichte*, no. 49–50, SS. 10–14.

Информация об авторе

Андрей В. Белинский, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; belinskii_andrei@mail.ru

Information about the author

Andrei V. Belinskii, Cand. of Sci. (Political Sciences), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; belinskii_andrei@mail.ru